

РАГ 1293043

Нина Веселова

ГРУСТНИКА

В распоряжение
губ. мор. ссу
от автора.

4. 10. 1900. В. С.

Нина Веселова

ГРУСТНИКА

Дневники писателя

P I 1293043

Вологда

2000

Поэзия

Нина Веселова

Родилась в Ленинграде в 1950, закончила Ленинградский университет, факультет журналистики, работала в Вологде в областной прессе. Сценарист. Организатор совещания пишущих женщин Северо-Запада в 1990. Публиковалась в местных и центральных изданиях, в том числе в журналах «Свеча», «Север», «Советская женщина», «Наш современник», «Дружба народов», «Очаг». Автор пока не изданных книг «Я не поэт», «Годовые кольца». Пишет исповедальную прозу, пьесы, сценарии, критические статьи. Живет в д. Починок Нейского района Костромской области. Член Союза российских писателей.

ОТ АВТОРА

Происхождением этого названия я обязана своей дочери Анастасии. Когда она была маленькой и впервые в деревне попробовала бруснику, новое слово запомнилось ей именно в этом варианте. Быть может, потому, что поездка та совпала с грустным событием - с последними днями на земле моего деда, ее прадеда... Позднее я использовала это слово в своих воспоминаниях о дочкинском детстве. А потом она подросла, тоже стала писать.

И вот однажды размечтались мы о дневниковых записях-заметках и о названии к ним: у одного «Затеси», у второго «Камешки на ладони», у третьего «Зерна», у четвертого «Мгновения». Должно же быть что-то и у нас! И мы обе выпалили: «ГРУСТНИКА!»

«Но это мое слово!» - заупрямилась дочка. - Не отдам тебе!» Я долго соображала и нашла-таки контраргумент. Я сказала: «Но если бы я его в свое время не записала за тобой, и ты бы его не знала». Тогда-то мы и решили поделить «грустнику» пополам - пусть мои раздумья носят подзаголовок «мамина», а она когда-нибудь напишет «грустнику дочкину». И это будет справедливо.

«Искусство действует, как солнце, оно возбуждает энергию».

М. Горький - Буренину Н.

(1911)

Часть 1. Москва

10.3.1985.

Коммунизм - это гармония душ, не способных совершать ничего плохого.

Пишу сценарий и думаю: но ведь это не снимут, это - плохо. Да, но чтобы понять, каким будет результат или что это - плохо, то, что формулируется внутри, надо сначала записать. Иначе не будет существовать ни плохое, ни хорошее. Это - лишь успокоение для того момента, когда руки опускаются. Или - это и есть лень?

У А. Моруа давно выписала из «Писем к незнакомке»: «Леность состоит в непрерывном сомнении, ибо, когда размышляешь, все возможности кажутся равными. Надо уметь ошибаться, уметь падать и не удивляться этому».

И еще. «Я видел не раз, как талантливый человек метался на берегу до самой смерти, вопрошая себя: «А достанет ли сил?»

Силы всегда найдутся, если непрерывно хотеть. Ибо второе условие - постоянство. Надо поклясться себе закончить начатое... Альпинист, находясь посередине отвесной скалы и вырубая во льду ступени, не может все бросить. Спасение для него - в его мужестве. Это верно для любого дела».

Стыдно самой себе признаться, но - то же, что я чувствую в любви теперь, было, оказывается, судя по моим записям, и в отношении X, и У, и других. Значит: дело не в них, не в мужчинах, не в их достоинствах или недостатках, дело во мне самой, и чувство развивается по законам моей собственной личности. Нужен лишь объект для приложения чувства, даже если он - тень.

Впрочем, точно так же и отношение ко всему вокруг зависит от нашего внутреннего состояния на данный момент, от биоритмов и пр. На грубость в той же службе быта можно отреагировать слезно и бурно, а можно не заметить ее и ухмыльнуться философски. Особенно это зависит от женских циклов. Потому-то так трудно с нами в любых коллективах, не говоря о семье. К тому же, именно в упадочном состоянии женщина хочет все вок-

руг вычистить, привести в порядок, восстановить справедливость. Сама будучи не в гармонии, она еще стремится упорядочить хаос! То и имеем...

Говорят - в защиту супружеских измен, - что иногда хочется пообедать, после вечной столовой, в ресторане... Да, но приходит возраст, когда уже и в столовую не хочется - ибо от нее случается несварение желудка, лучше уж переголодать... Иначе - как чужой щеткой зубы почистить. Лучше пальцем...

Любовь - это благодарная память о том, что ты помогал(а) мне избавиться от физических страданий во имя духовной работы.

Раз любовное чувство никак не зависит от объекта и отражает лишь то, что внутри вас самих, то и жизнь, как мы ее понимаем, вовсе не отражает своей сути. Оптимист видит ее так, пессимист - совсем иначе. Когда гармония во мне, тогда и жизнь кажется гармоничной, и даже мировые катаклизмы не принимаешь трагически, ибо видишь их в рамках вечности. Значит - счастье внутри нас? И совсем не надо что-то перестраивать вокруг?!

15.4.85.

На Курсах на лекции Матвеева сказала: «Многие ученые и коммунисты ударились теперь в религию и пр., и в этом смысле мы скоро можем вернуться к средневековью (по теории того же Гумилева). Некоторые люди, которые видят астральные тела, видят уже... звериные сущности, т.е. более низкие формации человека. Значит, «Белка» А.Кима - об этом?! Это - от угасания энергии? Но раз творец - проводник космической энергии, а она уменьшается, то, как бы мы ни тужились, больших вершин в своей работе достичь мы никак не сможем. Печально.

Василий Макарович - пассионарий? Но он должен быть не нужен обществу в нынешней фазе угасания. Высшему классу он и оказался ненужным, а народу - да, пусть и не всему. Как это соединить? В эпоху эгоизма звал к сочувствию и т.п. - зачем это? И что это - позитивное или - крик обреченного? Нужно ли - (моя теория) - сохранение энергии, направление ее (из сексуальной?) в другое русло? Помогает ли это прогрессу вообще и надо ли миру?

31.10.85.

Мы неправы, когда подаем в рассказе законченность, итог. Всё, всё в жизни меняется, течет, и нет конечных ситуаций и окончательного распределения сил. Поэтому и должна присутствовать многозначность, взгляд в будущее из конечной фразы рассказа.

Мировой Разум, Сознание разбито на осколки, и они не могут быть равными, но - могут быть похожими, близкими, задача каждого - дать СВОЕ видение мира, а не общее, ибо так, безлично, ты НИЧЕГО необразишь.

Я, признавая в литературе (и газете) справедливым и позволительным отражение только положительного, т.е. несущего свет, - стою на той же, оказывается, позиции, что и восточное христианство, четко означившее, что можно и что нельзя изображать в искусстве.

29.4.86.

Почему что-то детское нельзя, не стоит перечитывать? Даже если я забыла сюжет, то что-то глубинное я усвоила, нравственные выводы для себя сделала и сформулировала. Сюжет -

лишь обертка для этого содержимого. И, проглотив последнее, ее я могу выкинуть. Однако если я выросла духовно, шагнула вверх, то эта пища меня уже не удовлетворит, будет, как манная каша для взрослого. И это ни плохо, ни хорошо, а всего лишь свидетельство роста. Значит, тот, кто во взрослом состоянии любит детские книги, застрял в том возрасте, остался в школьном классе?

А ведь кто-то не только читает, но и ПИШЕТ только сюжеты! В этом, как в воспитании: если я расту, то к уже усвоенному не возвращаюсь. Руки все моют всегда, автоматически. Так и моральные принципы когда-то должны впитаться в кровь, стать нормой для сознания и поведения.

1.12.86.

Стихи - это кроссворд, кем-то наверху придуманный. И вот по словечку, по сочетанию слов мы строка за строкою, постепенно приоткрываем все его начертание...

Часть 2. Вологда

25.2.87.

Изучила «ЛГ» и «ЛР» за минувший год, вошла в общий поток, догнала процесс. Что в нем буду я?

Теперь главное - не поддаться ложному ощущению, будто я должна спешить, чтобы успеть нашим, местным(!) литераторам доказать, что я тоже что-то значу. Успеть, пока они (!) живы...Никому ничего я не должна!! Сейчас в душе моей именно тот предтворческий покой, о каком я мечтала столько лет, - ни от кого и ни от чего, кроме себя и дочери, не завишу в мелочах, никто не может, не имеет права сбить меня с зазвучавшей в душе ноты. Естественно, именно естественно следовать внутренним позывам, уважать тайные движения души, работающей по своим законам. И когда вдруг она исторгает из себя стон ли, оду ли, - записывать именно их, а не зачем-то кому-то(в газете) понадобившийся отчет о чем-то преходящем... Решившись на путь только творческий, я тысячу раз никому ничего не должна, кроме Вечности, в которой должно отобразиться мной осознанное, мимолетное мое видение в этом мире. И потому прежде всего я должна искренне прожить

свою человеческую жизнь, которая и есть основа моей творческой жизни. Никому, кроме меня, не ведомо, что происходит у меня внутри и к чему я иду, как полагаю. Самое страшное - сейчас, когда все так близко (дай мне, Боже, годы) вдруг отчаяться и разувериться в себе, изменить себе...

Из всего перевернутого в газетах остались ярко три мысли: нужна искренность, полная, именно к которой я и склонна и которая так пугала многих и в жизни, и в литературе; нужна (А.Адамович) женщина, которая писала бы женщин, их психологию, - и почему бы это не я? не дерзая, не узнаю; и еще у Шергина запись о страстях и желаниях, которые так мешают молодым, и о том, какое счастье - когда-то освободиться от них. Сейчас, когда я с такой болью ощущаю последний всплеск чувств и через невечность, обреченность любой любви понимаю, кажется, и конечность жизни, сейчас это главное, что побуждает мысль охватить все прожитое.

Если мне это суждено, если я права в своих порывах и осуществится вскоре задуманная мной перемена в обстоятельствах жизни, то - о дадутся мне силы на это, ибо ничего более в жизни меня не влечет так страстно,

как эти два момента! - то, наверное, я должна буду, в конечном итоге, написать огромный роман, в котором будет все: все мое прошлое и все настоящее, переходящее в будущее; становление Я, начиная с А...

10.3.87.

Если я - как и все пишущие - проводник Разума и т.п., то кто сказал, что ребёнок помешает этому? Через роды мне должны открыться новые связи, каналы, до того не существовавшие во мне, и как знать, ЧТО я по ним приму и должна буду изложить?

Писать можно и нужно только тогда, когда поднимешься на свою философскую вершину. Когда на все будешь смотреть сверху и видеть связи, истоки и - исходы. Все, что было со мной прежде, - это попытка описать видимое либо у подножия горы, либо на середине подъема. Это не может быть объективным и кому-то нужным, открывающим глаза.

15.3.87.

Если каждый в какое-то время проходит через муки Христа (смотри письмо от Раи Мустонен), то сила духа его начинает влиять на людей и на мир с

того момента, когда его, человека этого, распинают. Поэтому и начало творчества у всех в разном возрасте, ведь каждый приходит к распятию в свое время.

Стиль, то есть строение предложения и абзацев, в юности, когда и душа твоя, не только рука, неопытная, скользит по поверхности жизни, - тогда и стиль поверхностный, без сучков и задорин, и язык почти однозначный: что написано, то и есть. И чем больше хочешь вложить в содержание, тем больше получается объем написанного. В зрелости же фраза становится емкой, в ней появляются подводные течения, ответвления, ассоциации, временные перебросы, и вместе с ними движешься вперёд медленно, со всем грузом прожитых лет. Но зато и даешь читателю на малой площади втрое больше.

18.3.87.

Не надо никогда переделывать, дорабатывать старые, юношеские вещи, будь то рассказ или что-то большое. Они несовершенны уже в самом зачатке и несут в себе все приметы наших давнишних бед и - недостатков, недознаний. Ребеночка ведь нельзя принять в себя назад, чтобы переродить его в более совершенном виде. Надо просто делать нового - той же,

твоей крови дитя, но - со всеми твоими сегодняшними внутренними данными.

18.3.87.

Каждый создан для чего-то своего, и в литературе тоже. Нельзя хвататься за все подряд, лучше молчать. Нужно было - и явилась С.Алексиевич, затем Чернобыль родил Щербакова. Захоти кто-то туда, на эту ниву, - ничего не получится стоящего. И что угодно можно тут говорить о конъюнктуре и прочем. ТВОЕ ТЕБЯ призовет. Конечно, если будешь прислушиваться, а не поспешишь за чужими аплодисментами.

Исходя из теории Гумилева, вся ностальгия по прошлому бессмысленна. Или - наоборот: побег от цивилизации (Уолден, "Жизнь в лесу") - смыкается с нею, с ностальгией....

А как же прорыв в космос? Зачем? Разве только для разрушения и конфликта с Природой? Может быть, тут- надежда? Где ж ноосфера, способная все выпрямить?

Теперь разлад с природой не может быть в рамках полиса и т.п., теперь это всеобщее, значит...

И еще: если это (колебание

“маятника”) подобно старости и угасанию - то! — от всякой жизни должны пойти новые побег! что-то чем-то должно оплодотвориться, не может быть иначе!

9.4.87

Прежде, всего год назад, собирая материал для фильма в Кировской области, я все, что говорили, слышала, как сквозь толщу воды, как в болезни. И понимала, и — не находила места жалобам людей в общей структуре жизни. А теперь — все знаю и понимаю... Когда публично назвали! Неужели я настолько глупа? И — не одна я?!

26.4.87.

Как Моська на слона — так все мы кидались прежде на неполадки в государственной машине. Что было проку. например, говорить о Бийской детской колонии, биться за новый фильм о ней, о... о... А Василий Макарович? А Высоцкий? Все это было обречено. И я готова была, однако, идти по их стопам.

А теперь, может быть, тоже было бы трудно, но - стыдно: все, будто по пистолету на старте, рванули разоблачать! Не хочу, я свое спела. И моя перестройка в том,

чтобы не скакать, как прежде, не рваться на части, а писать, писать безвылазно.

11.05.87

В ужасе от «ЛГ» от материалов пленума, от драк... Оголтелость Куняева и всех наших... Одного их них, К.; пригласили на фильм «Земля и вода», он ответил: «Я в ваш кинотеатр принципиально не хожу. Вы и ваше кино - рассадник...» В. К. звонила в прокат, волнуясь о судьбе бурляевского фильма: «Вы русский человек? Почему зажимаете «Лермонтова»? Где ваше национальное самосознание? Сколько копий фильма? А почему?.. А может, вы еврей? Где родились? Странно... Я буду вам звонить и перевоспитывать». Да поздно, ответили ей, мне уже 60, я и так умру. Бурляев в интервью нашей газете: «Когда я творил «Лермонтова»...Ах, вы во ВГИКе? Ну, ясно...»

Ясно, что там евреи преподают. Из-за моей учебы на Курсах меня, наверно, не примут никуда. Для В.Б. и я сама-то - еврейка замаскированная, а все остальные ему подпевают. Рядом с ним они есть, а без него или против - их нет. Они могут не осознавать это, но это так. Но почему я должна кланяться, если я не согласна с их взгля-

дами? Они испробовали кино, театр, все узнали изнутри, опытно - и отвергли. Теперь те, кто еще только подходит к этому же опыту, для них враги. Но ведь даже если я потом приму их взгляды, я должна все испытать сама, а не принимать априори! Ведь так можно дойти до презрения ко всем, кто вообще остается жить, когда ты уже подошел к последней черте. Ведт по этой теории и жизнь саму захочется отрицать, и все, кто еще только начинают и далеки от конца - твои враги и дураки... Все должно быть выстрадано, а не взято на веру с пеленок, иначе это цинизм. Или - вера? Но она не может выражаться только в праве осуждать и отрицаать других. Если бы кто-то знал истину в последней инстанции! Надо всех прощать и терпеть. А вдруг это силы тьмы? Ужели становиться таким же оголтелым?

10.7.87.

Везде мне сиротливо, одиноко, тускло. И все, кто радовал прежде, не радуют, словно вызнанные до дна. А это пуста, наверное, я... Или хватит уже жить чужими жизнями, чужими интересами? А своего нет ничего. Может быть, только Починок. А вдруг и это не то?

Я, как огонек от круглого фейерверка, - кружилась и - оторвалась, и нет уже возврата к этой круговерти, есть осознанность пройденного пути... И в то же время все мне претит - и журналистика, и кино, всякое общение, узнавание, осознание. Я не в силах охватить всей жизни, проблем, да и отдельную судьбу, увы, тоже. Помочь, как ни прискорбно, может только витамин Х. Если может...

19.7.87.

Кричим, что проживем и без понимания. Проживем, конечно. Но вот получила газету с моими переводами Муроди и - взмыла к небесам. Как хочется быть нужной! Делаешь что-то - когда на тебя возложена надежда и результатов твоего труда ждут, хотя бы пара человек. Без этого - сон...

В деревне человек ощущает себя - как в восточном искусстве - частицей величавой природы, отсюда его тихость, смиренность, мудрость, незаносчивость и пр. А в городе ты - часть железной суеты, и потому - грубость, поспешность, самомнение и т.д. Понятно, что речь идет об общих тенденциях, но вовсе не о всех людях.

19.7.87.

Попробовала вновь после большого перерыва съездить в командировку. Не могу, не хочу, не буду!! С души воротит, и нервничаю, чтобы все успеть, узнать, понять. Но что можно сейчас понять в этой жизни? Нельзя ни в чем разобраться наскоком. И не может быть, чтобы люди, простые, которых я так любила и чувствовала, стали вдруг мне неинтересны до отвращения. И даже если так, то не их это вина, а моя - просто, значит, я сейчас пуста! А невроз оттого, что знаю: газете не нужны мои мудрствования, а только прямое, лобовое, а потому - ложное восприятие. Я никогда так не могла, теперь же и подавно.. Да и радио. Снова то же? Бегать с микрофоном и спрашивать о том же, о чем десять лет назад? Словно ничего вокруг не случилось? И не особо убиваться, потому что слова вылетают из приемника, как воробышки, кто их видит и слышит?.. Нельзя так. Зачем же прожитые годы, иные, "московские" знания и чувства?! Это все равно, что после 30 лет вернуться в 17 и делать вид, что все нормально и моя наивность, то бишь душевная лень, естественна.

После Курсов, после атмосферы полного уважения к творческой личности не выношу - физически! - ни единого ехидного слова или взгляда, а тем более администрирования. И в этом надо быть твердой, кто бы что ни говорил и ни делал.

Прорвало: пишу и пишу! Не к этому ли были такие долгие, страшные муки? И чем дольше живу, тем муки "предродовые" дольше. Может быть, так: пока опыта в тебе всего с лодчонку, она легко и подплывает, куда надо, и разворачивается. А когда баржа, да полная до краев! - разверни-ка ее! А уж развернул - разгружай, не отлынивай. Да и не до увиливания тогда - как застоявшийся конь себя чувствуешь, только что мускулы не поигрывают.

Жизнь моя, воспринимаемая и понимаемая мною как один длинный роман, в котором все связано неразрывно, наконец-то развалилась на отдельные рассказы - со своим сюжетом, завязкой и концом. Наверно, я стою на каком-то важном повороте. А может, на спуске с той горы, откуда все видно и в целом, и в деталях.

Те, кто прежде знали много изнаночного и шушукались об этом, настолько полны злобы и недоверия, что вряд ли смогут от них избавиться - и принять перестройку целиком. Они привыкли "копать" и "бороться".

Поэтому сегодня больше надежды на наивных, просто проснувшихся, готовых скорее принять новое одурачивание, но - не цинизм.

Стыдно. Была какая-то бессмысленная, миражная жизнь у нас у всех. И никаких сомнений, только досада: что ж поделаешь, если жизнь придумана так пошло и нетворчески!.. А теперь... Такие перспективы!

И все вдруг обрело - в идеях - свое место и цель, и вероятность гармонии чудится - может быть, не только в искусстве... Как нудно было - так же, как и жить - умирать в той жизни. И как обидно - но не страшно, если продвинешь что-то вперед - теперь, когда все - не зря.

Преодолев себя, мы пожинаем радость. "Удружив" себе, дав послабление, мы получаем мучения. Во всем. А простейший пример - в транспорте, когда поленишься уступить пожилому месту. И сидишь потом, прячешь глаза, потеешь от стыда и устанешь сильнее, нежели стоял бы, довольный собою.

Дымы, смог Череповца... Ужас, впечатавшийся в меня с детства, когда я просыпалась в ночном поезде, проезжая мимо. Нет, не хочу отрицать промышленность, цивилизацию, все это должно быть, но - человечество явно пошло каким-то ошибочным, кружным,

дорогим путем. Как школьник, решивший задачу с наибольшими затратами сил и энергии. А была, есть где-то прямая гениальная дорога для достижения того же, и даже большего результата... Жаль.

Человеку никогда не дается познать на опыте то, ценность чего он принял сердцем, заочно. Так, чаще всего именно любящие детей женщины остаются бездетными. У них это уже когда-то было пройдено.

Наше "Я" в своем развитии, как ни странно, ощущается стабильно. Я ясно помню, знаю по давним записям, что я всегда была такая, так же чувствовала и думала. Потому и вопрос о старости странен. Возраст не в нас, он - снаружи. Он замечен только по детям. Отец мой, осознавая себя, думает: мне, его дочери, уже тридцать семь! А я, в свою очередь, считаю дочкины годы: ей уже двенадцать, значит, мне.. Это лишнее подтверждение того, что мы во Времени вечны, оно существует, пронизывая все, и нас в частности, и продолжает делать то же - без нас. Ему безразлично, кто нанизан на его шампуры-лучи, просто род таких-то и таких-то...

Жалость к другим, это оттого, что ты ставишь себя на их место и чувствуешь, как плохо было бы тебе. Но - вообрази, что кто-то, с иной судьбой, жалеет тебя - готов ли ты поменяться? Да твоя судьба, какая б ни была она, она - твоя, оттого она и судьба. Крест.

29.9.87.

Наверное, сотня стихов моих за минувшие полгода - это был выход из боли, из стресса, иначе бы... И значит, либо я стала так слаба, что... либо это чувство было самым большим стрессом за последние лет десять. Да нет, конечно, первое: истончилась душа. А уж кто или что тут явилось причиной - не столь важно.

Какая досада, что надо есть и особенно - спать, теряя драгоценные часы и мысли. «Ехать» бы, как скоростной автобус, сразу до конечной остановки. А тут, с этой «большой» прозой - только разгонишься - и надо тормозить, отдыхать. А завтра - снова набирай скорость. Несовершенен человек.

19.10.87.

Перед стихами внутри ощущение пустоты и космической гулкости:

жутко представить, что это состояние бесплодности - навечно. Но вдруг, как метеориты, проносятся рифмы, и вдруг - целая комета, с хвостом, который только-только успеваешь «зарисовать». А потом - другая такая же, третья... До тех пор, пока опять не вернется хаос обычных жизненных земных звуков, в которых уже не различаешь космоса...

21.12.87.

Всякий раз, когда еще есть рифма, но нет стихов, становится страшно: вдруг больше ничего не напишется?! Да и о чем? Ведь я уже все, что хотела и могла, сказала, зачем же повторяться; и можно ли повторяться другими словами, если эти - ОТЛИЧНЫЕ?... Не за свои даже стихи страшно, что больше не будет, а за переводы: люди доверили мне свои сочинения, а я больше уже не смогу совладать с рифмой, только шуму наделала зря... Вернется, конечно, но ничего нет страшнее, чем терять этот дар.

Сначала мы пишем, стараясь подражать каким-то образцам и известным нам формам. А слова уводят нас в сторону и от нее, и от себя. Но теперь знаю: написать можно обо всем; и форма придет только из сердца - помни,

что ощущала в тот миг, который описываешь, и вот этот сосуд для чувств и отливай.

Я сейчас, как в гору, к пику ползу. Вот-вот, еще чуть набрать высоту, подняться, оглядеться... А потом осторожно начать спускаться, описывая все, что увидела и поняла на подъеме. Вниз всегда легче и быстрее. Не оборваться бы только, успеть!

Худсовет в Кирове на студии в 1986 году, перед которым я представляла как сценарист, напомнил мне консилиум врачей, перед которым - больной, ждущий излечения, советов. Но каждый видит и хочет вылечить в нем что-то свое и никто не хочет и не может понять, чем и как живет его - мой - душевный организм.

В кино на нас, на наши чувства действует, кроме прочего, изображение **СТИХИЙ** - воды, земли, луны и пр., которые на подсознании выявляют для нас вечность, заставляют звучать в зрителе космические струны. Без этого любое заумное действие не даст желаемого эффекта - если лишено стихий.

7.3.89.

Тошно, тошно, тошно. Живу на грани душевного надлома. Если это не нехватка витамина Х, то - гораздо худшее. Ладно, если просто предмесячный синдром, но и он уже становится хроническим - недельку вздохнешь - и снова... Чувство собственной ненужности потрясающее, прежде не изведенное. Круг мой - дочка, старики-соседи, Зина с Кешей, которого надо прогуливать, Наташа, вот и все. Я не действую. Сотни идей умирают во мне, едва зачатые, особенно в литературе. Тут я - как почти потухший костер: бросишь хворост - вспыхну на миг и - снова тьма внутри, ничего вокруг (чтобы объять умом и описать) не вижу. Страшно от своей несостоятельности, от чувства вины перед...перед кем? писателями?! Словно я, не пишущая, уже не человек?! И почему я именно им должна доказывать что-то?! Я должна просто состояться. Но в чем? Если не будет ничего в кино - а быть ничего не может, ибо в нынешних условиях нет ни материальной, ни технической базы для этого, и беда наша, дипломированных умников, - в невозможности профессионально осуществиться - если не будет кино, то выход остается один - деревня. Может быть, я не смогу уже про

нее писать, ибо чувствую, что созрела до необходимости БЫТЬ, ЖИТЬ там, то есть свои слова восхваления должна перевести в дела. Стать НУЖНОЙ хотя бы земле, скотине и слиянностью с этим попробовать компенсировать всю тоску и потребность в СЛОВЕ.

Быть может, в том и был МОЙ путь, через слово - истинный возврат туда, на ТУ землю, о которой писала и по которой болела моя душа?

А сейчас я, не действующая, гибну, сохну на корню. Живу от почты до почты, ожиданием вестей. Но никто не вспоминает, никто не плачет о том, что не хватает меня... Тоскую по Лидии Никифоровне, кажется, что встреча помогла бы мне, но это иллюзия: каждый умирает в одиночку, а настроение как раз такое - пред...

Конечно, я уже год не ходила к причастию, оттолкнул бюрократизм и унижение на последней исповеди в Москве. Знаю, как тяжело впасть в грех лености, особенно в этом деле, но не чувствую сейчас в себе силы идти вверх. Хотя - они приходят в пути, когда поднимаешься ступенька за ступенькой; но я слаба идти до вершины, не время еще, слишком суетна и неустроена моя жизнь, чтобы на всем плотском поставить крест. В любой миг я могу

сорваться... Хотя душа все чаще просит одного (даже не любви уже!) - покоя; сидеть бы в деревне круглый год, обихаживать себя во всем и - писать, никуда не рвась... Будет ли такое, Господи?!

19.12.89.

Все, кто был мне прежде близок и интересен, незаметно как-то остались где-то внизу. Я рвусь мыслью вверх, а общение с ними - это уровень быта и масскультуры. Родственники - как бы только накормить, тетушка: а вот у нас на работе женщина... и так до бесконечности. Хотя у нее и высшее образование, но суть не в нем, просто человек так и не сумел подняться над фактами, не вышел на обобщения. Как газетчик, готовый в сотый раз писать про одно и то же.

Интересно мне лишь с некоторыми - с дочкой, с литераторами. Наверное, это как в лесу: вдруг какие-то деревца тянутся, тянутся и - перерастают всех: а там, над лесом, очень мало таких же высоких крон. И они уже не затмевают друг друга, не закрывают собою горизонт от других. И одно у них над головой - бездонное небо.

Смел голосом и душой сейчас только тот, кто жил честно, у кого рань-

ше не было рыльце в пушку и кого при случае за крик нельзя упрекнуть - на себя, мол, оборотись.

В любом деле надо пересилить момент, когда работать не хочется. Павлов: «Тот, кто хочет действовать, ищет средства, тот, кто не хочет - причины».

Сценарий - это решение задачи или уравнения со многими неизвестными. Вот и представляешь, и ищешь, как доказать, что это равно этому, если то - другому.

Работаю до умопомрачения. Ложусь в два, встаю в шесть. Руки дрожат, чувствую сердце. И внутри - словно ожидание моря: вот все сделаю, доеду - и..!

Может, оттого и тяжело, и больно, что чужую судьбу примеряю. А она всегда в тягость. На этой земле каждому - свое, и не обойдешь, не отменишь, но и другому - не облегчишь.

Над прозой я работаю, стихами я лечусь... Стихи пишутся, если основы-

ваться на графиках биоритмов моих за много лет, когда эмоции на подъеме. На минусе трудно даже править тексты. Зато проза, кажется, живет именно во время эмоционального упадка.

О переводах, о процессе. Сначала пишет ОН, потом - МЫ, затем - Я, когда осмысленный и прочувствованный замысел и текст отливаются в мои собственные строки.

Написала «Бумеранг». Поняла - верно ли? - что рассказ - это чья-то развернутая история, являющаяся подтверждением общеизвестной истины. Например, в этом моем рассказе смысл можно свести к пословицам: отольются кошке мышьи слезы, или - цыплят по осени считают, или - к библейской фразе о том, что - за все воздастся. Отсюда и название.

Когда в душе у человека ясно, он может и хочет слушать других, примеряя чужие примеры к своим выводам о жизни. Когда же внутри хаос, то хочется, особенно в молодости, говорить самому, так как, проговаривая несколько раз одно и то же, мы сами для себя определяем главные моменты, неверные шаги и пр., и пр.

Вывела для себя золотые правила-секреты письма, которые не надо забывать. Первое - нельзя писать до одурения, до тошноты. Далее - во второй половине дня надо либо переходить на другое произведение, либо отдыхать, а к первой работе возвращаться на другой день - с жадностью, соскучившись, с большой потенцией; это похоже и на умный сбор грибов в чем-то: увидев гриб (конец произведения, цель), не беги к нему, а хитри, подходя окольными путями, словно и не видя его; не исключено, что по пути встретишь еще что-то ценное. И третье - если зашел в тупик и мысль не развивается, не грести на вдохновение и т.п. - вернись всего лишь на абзац назад и думай оттуда, просто мысль пошла по ложному пути, а нужный - совсем рядом.

Все прочитанное может остаться в тебе, как нерастворившаяся таблетка, которую можно потом «выпарить».... А когда все проглоченное рассосалось, да так, что не отделишь, где оно, - тогда оно произвело работу: вылечило! Что проку в заправших в память цитатах из великих, если они

- чужеродное тебе тело? Хвастаются знанием «Онегина» наизусть! На мой взгляд, важнее понять, впитать в себя осознание того, что они, описанные в книгах (не только в этой), были такие же, как и мы. Значит, все повторяется, и мы тоже - ценны. Главное - поверить в свою собственную значимость. принять ее и нести, не растаскивая на цитаты.

Люди проявляются, как фотографии, - нормальные и передержанные, которые потом посереют...

Как научиться не сердиться на жизнь, природу и людей как ее частиц? Ведь когда все цветет, например, после тепла (крова родительского) обязательно наступают холода (испытания жизненные). И тот, кто стоит в них, тот даст плоды. Значит, для всех неизбежны трагедии в молодости, в период расцвета. Вопрос в том, с каким багажом ты из них выйдешь.

Можно ли любить (интимно), когда за стеною у тебя больной? Можно ли любить, когда в соседнем доме больной? И можно ли любить, когда на планете столько боли?!

А домик... домик в деревне лучше иметь в два окошка. Он - как лицо, с двумя глазами, и добр потому. Когда у него три - это как трехглазка в «Хаврошечке» (в идее - понятная, но зримо - неприятная).

2.02.90.

В чем ошибка "Нашего современника"? Они - идеалисты. Хотят экономику спасти, начиная о нравственности. Здорово, правильно. Но кричат это те и тем, кто и так все понимает. А выйди в народ - толпа, модно выражаясь, быдло, сформированное за 70 лет. Что она поймет, эта масса? Ее можно научить, если только экономикой принудить к нравственности. А уж новое поколение растить, да - от нравственности - к экономике. Только так. А почему обязательно или - или? И зачем сразу искать врагов?

Старовойтова - о необходимости 53 штатов у нас - из национальных образований. Убедительно. Но ведь "Наш современник" закричит: не дадим делить Россию! А кому она нужна в таком составе? Кто способен ею управлять? И будто иное, более разумное объединение может помешать народам любить друг друга!.. В "ЛитРоссии" - как прицепной вагон - разговор о про-

блемах автономий. Как подачка... Да дайте им свободно говорить о своем у себя, и все.

Я центрист. Во взглядах сейчас мои авторитеты - Ч.Айтматов, Д.Лихачев.

Демократия? Все равно - подавление, подчинение, ибо все люди находятся на разных ступенях развития, и уравнивать это невозможно ни в материальном, ни в духовном выражении.

В судьбе нашей, наверное, две линии - возможностей и желаний. С рождения они идут к слиянию и могут слиться, если человек уловит этот судьбоносный момент. Либо - разойдутся, чтобы никогда больше не встретиться. И тогда можно сидеть и ждать решения судьбы... до смерти.

Интересно, пойдешь ли ты в чем-то другим путем, все равно бы ты пришла в литературу?

Я наивна, как в детстве, не верю во вражеский лагерь нигде, и среди депутатов. Верю, что, если они и тянут нас не туда, то - искренне заблуждаясь. Хотя - вот образчик моей глупости, без даты, но, полагаю, совсем не старый: "Мы поставлены в прекрасные исторические условия по сравне-

нию с молодежью других стран - наши человеческие устремления к миру, покою, совпадают с государственными. Каково же им, ТАМ, быть людьми, оставаясь патриотами своего отечества?" Поистине - колдовская сила была у нашей пропаганды!

Когда мы начинали перестройку, то думали: вот достичь бы уровня жизни хотя бы в ГДР и т. д., уж у них-то!!! Оказалось: и там все надо менять, все прогнило и продано! Значит, наш протест - не от голода (они-то сыты были) и не случаен. Просто - конец века... Пересмотр всего. Значит, менять надо что-то иное, во взглядах вообще на общество людей на планете, утверждать ценность всякой личности.

Но - возможно ли учесть, удовлетворить права всех сразу в стране? Или - изначально не может быть равенства и не надо к нему стремиться?

Сегодня кажется, что главное - политика. Ну, а дети, семья, воспитание? Ведь переход может затянуться на долгие годы, и оно, это истинно главное во все времена, во всех обществах, так и останется в стороне?

Сейчас большинство людей - как стадо, выпущенное по весне из зимних

стойл. Так хочется скакать и бодаться! Вот и кричат на митингах - "Виват, Россия!", "Отечество превыше всего!", "Долой привилегии!" Как женщина чувствую: все это мальчишеские игры. Опасные. Пахнущие кровью.

Свобода - это прекрасно, но почему - всем и сразу? Иной и не нуждается в ней, болеет от нее, не умея думать. Ничего, кроме бесплодного столпотворения, это не вызовет, и в результате истинно нуждавшиеся в послаблении дисциплины (например, люди творческие) так и не получают ее.

Забывая о Высшем или не ведая о нем, мы часто принимаем духовный свет человека за сексуальное излучение, и идем к человеку не тем путем, и расходимся с ним...

По-моему, истина - это точка, из которой исходит Свет. А мы все - по миллионам окружностей вокруг нее, удаленные порою до бесконечности. А смысл жизни нашей - найти прямой и кратчайший путь туда, к центру, к ней. Быть может, потому и понимают нас точнее всего те, кто движется с нами по одному лучу? Все остальное нам не внятно.... в то же время - все идем Туда,

к Одному, хоть и говорим на разных языках, словно не об одном думаем... Враги... какие ж мы враги?!

Мода в одежде? Она нужна только молодым. Через нее они, всегда страдающие комплексом неполноценности, утверждают. Когда же за модой болезненно следит взрослый человек, это свидетельствует о том, что он не нашел смысла своей жизни и по-юношески мучается.

Если я предлагаю в разговоре "ты", я тем самым даю призыв к сближению, простоте, взаимной открытости и доверительности. Если ты этого не принимаешь, значит, не доверяешь мне, прячешься, и я остаюсь, как голая среди одетых.

Часть 3. Деревня Починок

6.1.98.

Почему нельзя воровать, особенно в крупных масштабах? Потому что Господь не просто так не дает тебе богатства, значит, требуется, чтобы ты прошел через какое-то испытание, связанное с деньгами, понял бы их коварство и ничтожность. Когда же ты ворует, то есть берешь деньги сам, меняя свой быт в лучшую сторону, ты идешь против Его воли; имеешь, кажется, все, а на душе - пустыня. Бог дал бы тебе все, но - в свой срок, уже зрелой душе, которую это не развратило бы и не надорвало бы. А так - ноша материального может оказаться не по силам незрелой душе.

Все чаще ловлю себя на том, что, отправляя письмо, думаю: а вдруг адресат не жив? Даже если он моего возраста. Время течет. В детстве подобной мысли и возникнуть не могло, потом она появляется предположительно, вероятно, потом с нею почти смиряешься, а в конце концов начинаешь ждать, когда же...

Стоит открыть почти любую эзотерическую книгу - и энергия вновь бежит по жилам, и разум трепещет от величия Того, с Кем един. Чтение настоящих книг из этой серии заменяет ежедневную молитву, пропуская через тебя вселенский ток. Состояние богооставленности - это жизнь вне контакта с Огнем.

Вряд ли пишу что-то новое, ибо и в Агни-Йоге сказано, что нового ничего нет. Просто, значит, эта мысль прижилась, стала моим убеждением.

8.1.98.

Вчера на Рождество (которое накануне никак не уважила) с утра, кроме боли в горле, обнаружила сильно увеличенную справа щитовидку. При глотании она двигалась, вызывая боль тоже. Это едва не сбilo меня с ног. Рано уходить! Столько я еще не сделала, а - должна бы. Со слезами молила Всевышнего не забирать меня пока, если возможно, ведь я в Его славу хочу писать, чтобы другим помочь найти Путь... Да и близким потерять сейчас меня было бы невыносимо. Но неужели это предупреждение тоже не взобьет во мне фонтан энергии? Так боюсь ее отливов, когда я не только умственно, но и физически ничего не

делаю. А все - безденежье! Оно подрывает сильнее чего-то иного. Хотя - вычитала - железы внутренней секреции поражаются у добрых, одаренных и т.п. людей, когда они страдают от уколов «низких» личностей. Приятно сознавать, что ты - хороший, но болезни это не отменяет.

10.1.98.

Все ясно!! Я была «в отпуске от ума» по банальной женской причине, за сроками которой теперь не уследить. Как досадно зависеть от такой глупости! Женщина, по существу, полностью работает всего дней десять в месяце. Где тут угнаться за мужчинами.

13.2.98.

Мы с детства, юности все знаем и понимаем, имеем установки. А с годами лишь расцвечиваем эти понятия всеми тонами и деталями. И мудрость - она не в точке зрения, а в нюансах вокруг нее: чем их больше, тем сильнее размыты границы добра и зла, тем труднее резать по-юношески грубо, категорично.

В который раз встречаюсь с родным братом, втайне надеясь на какой-то необыкновенный, откровенный философский разговор, - ведь думает же

он, как и всякий, над вечными вопросами! Однако, каждый раз - только еда, работа и прочие материальности. И - никогда ни с кем из родных - ни о чем ТАКОМ! Почему? С другими - пожалуйста. Что за необъяснимая преграда?

15.2.98.

Отчего волны впечатлений все меньше кружат меня? Столько бывает желаний, замыслов, пока я в поездках! А вернусь в деревню, и все отходит, затихает, и ничего мне не надо, только мой внутренний мир и покой... Старость это? Или - деревня? А может - мудрость, которой ничего уже не нужно, кроме самой жизни? И все чаще со светлой и желанной печалью предвижу, предчувствую, зову свой уход. Он не пугает более, не отталкивает, а манит, как манит нас, еще детьми, после дальнего долгого похода в лес отдых в родном доме, - когда дары природы будут прибраны, баня истоплена и ужин, сладкий вечерний заслуженный ужин поджидает нас на столе, чтобы после него удовлетворенно провалиться в небытие, не печалась о том, проснешься ли завтра, и не слыша, как шелестят, опадая на землю, листья в лесу, завершая еще одну пору года...

Неправда, что нет непреодолимых препятствий. В деревне действительно, пока сердце стучит, можешь ставить себе цели и выполнять их. Город же полон недоразумений и неожиданностей, несовпадений даже тогда, когда кажется, что все просчитано до мелочей. Так, договорились с Л.Бобровой встретиться в условленный час внизу метро «Пионерская», куда я поехала к брату, а она - по своим делам. И вот оказывается, что в то время, когда я должна спуститься на станции вниз, вход там в метро закрыт! Только чудом, подъезжая на автобусе до другой станции, и то потому, что брат был дома и подсказал выход, я успела на встречу, от которой зависели дальнейшие мои действия... Или - «таксист», подвозивший до деревни, рассказал, как хотел в начале января провести заболевшую мачеху. Но деньги в банке не выдавали из-за их обмена до 5 числа, а потом, из-за отсутствия новых банкнот, продлили срок до 16 числа. Мачеха успела помереть, и он даже на похороны не то что поехать (далеко, видимо), даже денег выслать не смог. А занять большую сумму было не у кого, так как, во-первых, все коммерсанты из-за обмена все вложили в товар, а во-вторых, он человек новый и приез-

жий, никто бы не доверил незнакомому большую сумму. И теперь сестра в обиде, что не уважил он ее мать, потому что, мол, неродная, не любил... И докажи, что это не так!

Легко быть рыбой - в воде, монахиней - в монастыре, праведником - в пустыне. А ты попробуй стать ими в миру! Не отвечай на оскорбления (не ведают, что творят!), не отзывайся на соблазны и пр. Это я по поводу выступления Алексия II о «Последнем искушении Христа». Кто приковывал верующего к телевизору? Тем более, если он был предупрежден авторитетами. Оскорбить можно только того, кто хочет быть оскорбленным. А так вопли по этому поводу похожи на крик отчаяния, что сомневающихся в вере и так слишком много, как бы не прибавилось... Если мыслить в этом направлении, то никто не мог не только смотреть снятое (написанное) другими, но и - снимать иначе, чем положено, и даже - думать?!

Всякому, наверное, хочется оправдать, защитить свою биографию. Мол, такова судьба, иначе бы я не вырос до того, до чего теперь. А кто скажет, каков был бы путь, пролегай он иначе? Не раньше ли достигли бы мы

сегодняшних духовных высот? Увы, не проверишь.

Чем более мы мним себя властителями жизни, тем менее способны улавливать вселенские токи, призванные наставить нас на праведный путь. Подвластные их не проявленной зримо воле, мы быстрее находим свою половинку и начинаем вместо хаотического метания от одного человека к другому заниматься созидательной работой на материальном и духовном планах.

Прочитав массу эзотерических нынешних изданий, поняла, что все авторы крутятся в одном круге тем, разрабатывая несколько направлений. Однако ни в одно из них у меня нет ни малейшего желания углубляться: не моя стезя (ни астрология, ни сенсорика, ни травничество, ни оккультизм практический). Я должна писать и нести эти знания через литературу и газету, это да. А чтение нужно было для того, чтобы мои интуитивные открытия обрели научное название и объяснение, чтобы сложились в стройную систему, которую проще излагать. Моя сила, отличная от других, может проявиться в художественном изложении духовных поисков.

Почему Знания опасны, особенно для молодых? Особенно не скорректированные, не прокомментированные? - В силу своего максимализма юноши и девушки могут отойти от жизни целиком и все свои устремления направить на духовность, а это грех. Земной путь нельзя отрицать, он неизбежен и дан для испытания, для опыта, ведущего к теории, он не отделен и не случаен, а должен быть пройден во имя осуществления высшего замысла бытия.

Как нести по жизни свое главное знание о ней? Подобно Г.Щ. - внешне пребывая в суете, но внутри создавая нечто пронзительное? Значит, суета - это не суть ее, а периферия. Или - как Т.Т., шагая по земле со скорбным лицом и сторонясь всех, кто не скорбит с нею о трагичности существования и бедах экологии, пронизывая и быть весь этим глобальным? Остается ли тогда в душе ее место сугубо земному, которое нельзя отбросить?

Только благодаря радио, когда молодежный канал исполняет заявки детей для своих родителей, ощущаю, что мы - уже прошлое и наши песни - история, которую молодые раскапывают, как кладоискатели. А чего бы и

искать? Вот мы, тут, живые еще и умирать не собираемся! Мы те же, что и тридцать лет назад. Мы - на месте, просто сдвинулась система координат, и нас теперь почему-то вычисляют по параметрам прошлого, уходящего. И через это так пронзительно и запоздало чувствуешь тех отторгнутых нами стариков, которые были совсем еще не стариками в наши двадцать...

В творчестве, пардон, как в хорошем сексе, - не надо напрягаться, а только - расслабиться и довериться течению жизни, чтобы все случилось само собой, естественно и неожиданно. При расслаблении и доверии к жизни есть предчувствие и уверенность, что все обязательно произойдет и - наилучшим образом, не надо только мешать своим разумом.

10.1.98.

Состояние поэтического вдохновения - это или кризис душевный, или полная гармония внутри. Рифмы же - шифры гармонии мира, тайной связи всего со всем. Написание стиха похоже еще на лозоискательство - тепло, теплее, горячо! Здесь копай!

Каждый выбирает для чтения жанры в соответствии со своим уровнем развития, и задачи у жанров разные. В статье, в рецензии, в очерке даже почти все называется открытым текстом. Литература же - это психологический ребус. Здесь почти не должно быть оценочных слов. Читатель, разгадывая чувства по жестам героев, испытывает наслаждение.

Сколько мыслей запишешь, которые нужно обязательно вставить в рецензию... И что-то обязательно не войдет, окажется вроде бы лишним. Однако перечитываешь потом готовый текст и чувствуешь: они угадываются между строк, вошли в ткань повествования на подсознательном уровне. И ладно.

Прежде писатели были в ходу одни и те же, куда ни сунься, - как колбаса по талонам во всех магазинах. А теперь - не знаешь, кто, что, где, почему, но зато можно найти все и на любой вкус, только ищи, не ленись.

19.2.98

Как Овен, познающий жизнь телом, не могу не проводить телесных

ассоциаций и в творчестве. Почему, например, прозаику так трудно сесть за стол? Да потому же, почему не станешь ложиться в постель, зная, что через пять минут тебя потревожат за какой-либо надобностью. Для сладостного погружения в работу и для достижения хороших результатов нужно быть уверенным, что впереди у тебя достаточно свободных и безмятежных часов.

Когда люди пытаются прочитать произведение «по диагонали», они никогда не получают действительно заложенного в нем впечатления. Оно воздействует тогда, как калейдоскоп, разобранный по частям. Когда же медленно, с наслаждением начинаешь крутить его, тогда только можно уловить все переливы, все связи, всю бесконечность вариантов узоров.

Как журналист, я вникала в жизнь через людей. Потом, поняв что-то, вернее, что-то недопоняв, отвергла журналистику и осталась в искусственно созданной изоляции. Теперь я снова окунаюсь в жизнь, дозрев до понимания ее глубин, прозрев, и через это обретаю силы и крылья.

Нужна ли мне медитация, если творчество - она же и есть?! Что толку бегать по чакрам без образов, когда по лестнице духа можно вместе с Человеком подняться туда же - через конкретное?

В связи с Ф.Абрамовым и долго-терпением Вити на «ручье» от башни. До смерти можно терпеть все, что угодно, только не зли человека и жалея его. Осознать собственную значимость и значительность человек может, только если кто-то со стороны за него вступится, поможет ему разглядеть самого себя и - поверить, что он тоже - ценность, а не тварь бездушная, как ему внушали всю жизнь. И кто же призван это сделать, если не писатель?

Любое произведение, записные книжки потрясают тебя не своей величиной, не ее наличием, а лишь из-за соответствия описанных переживаний твоим собственным, самым глубинным пластам души. Следовательно, чаще всего непонятные и непонятые авторы - те, до которых большинство людей еще не доросло... Так у меня с Ф.Абрамовым - читаю его дневники, как собственные, хотя по годам, в которые он их вел, был он старше меня.

Почему творцу так нужно понимание и возможность быть напечатанным? Как Абрамову захотелось писать из-за какой-то газетной его заметки! Когда от тебя что-то где-то ждут, ты - как перед экзаменами, ночь просидишь в последний день, ибо есть срок, суд. А когда нигде не ждут, некуда торопиться, ибо ты нигде не «учишься», не поднимаешься со ступени на ступень. И по лестнице Духа тоже. Оттого и спим, неостребованные, что обществу не нужны наши «пятерки». А ведь все мы - дети, которые без школы не станут взрослыми и - Учителями.

С болью вспоминаю иногда отзыв А.Р. на первый, очень давний, девчоночий вариант моей рукописи о Василии Макаровиче. Дескать, как можно было обойти тему репрессий и т.п. Как упрек, обиду, доказательство моей творческой несостоятельности высказал он это. Чуть ли не контра я - прозвучало между строк. А что я - мы! - тогда знали об этом?! Ну и наставь на путь истинный, приоткрой глаза мои на то, что видел и знал сам! Нет, легче отпихнуть и отгородиться... Пусть никогда я ни с кем так не поступлю!

Говорить или писать (давая интервью)? В устной речи больше логики и фактов, но ею нельзя передать те нюансы, настроения, которые рождаются от столкновения слов, от мелодий и вихрей фраз. Их можно только записать.

Получила куцую рецензию Ю. Л. на свои стихи. Удивлена невнимательностью и явной предвзятостью, осознанием (с его стороны) собственной непогрешимости. Не таким он был. А тут - видит неподходящие, на его взгляд, детали в тексте и набрасывается на них. Но это означает лишь, что он не видит общего и не понимает, о чем речь. Кто видит общее, смысл, душу, тому детали уже не важны!

Правила - хоть на дороге, хоть в жизни, хоть и литературе - можно нарушать, только когда ты их выучил и освоил назубок. Иначе будет сплошной риск и сумбур. Классный водитель (и писатель) всегда нарушает правила, поднимаясь над ними. Но он потому и замечтен, выделяется, что все-то вокруг нормы соблюдают.

Зачем пишем? Свой интеллект, чувства - на бумагу? Чтобы молодые, читая нас, ушедших, подумали бы: они чувствовали так же! любили так же! думали - так же! И - все равно ушли. Значит, уйдем и мы, это правда. Но - не должно быть печали от этого, а лишь - мудрость и доброе понимание тех, кто шагает рядом с вами в сторону вечности. Мы не мастерства с годами набираемся, а мудрости, которая позволяет нам выйти на качественно иной контакт с информационным полем...

У Василия Макаровича, как свидетельствуют врачи, было сердце 80-летнего человека. И мы говорим об этом с сочувствием, пониманием, с уважением к перенесенным страданиям. Но ведь это - всего лишь свидетельство несовершенства человеческого! Когда-то люди научатся - должны научиться - не реагировать трагически на уколы жизни и ее двуногих представителей. Это будет уже другая раса. Но тогда и литература будет другая? Не о боли? Или вообще ее не будет? Нам, сегодняшним, представить жизнь без литературы так же невозможно, как невозможно вообразить безграничность Вселенной.

Состояние ясности в моей душе такое, что хочется сказать шукшинскими словами из рассказа «Залетный» - я сейчас знаю, понимаю о жизни столько, что больше и нельзя, и не нужно знать...

3.3.98.

Есть ли точный ответ на что-либо? Все относительно, все зависит от точки зрения. От мелочей до самого крупного. Каждому - свое и - в свое время. Так, даже о жизни: есть ли в ней смысл? то или это? добро или зло? - нельзя сказать определенно. Да, теперь я знаю, чувствую, исповедую, что жизнь со всеми ее земными прелестями - не нужна, пуста, главное в ней - вызревание Духа... А в молодости? Жизнь надо сначала ПРОЖИТЬ, чтобы ДОЖИТЬ до таких выводов. А потому смысл жизни, если он и есть, то - в самом ПУТИ, который ведет со всей неизбежностью к отрицанию того, что было мило прежде. Это и есть РАЗВИТИЕ, но никак нельзя сравнивать и уравнивать разные его стадии; у каждой из них, как у каждой особи, свой цикл, свой срок, и чужой ум никогда не станет твоим собственным.

5.3.98.

Можем ли мы оценить сами себя? Весь наш путь - от детства до зрелости - на нашей памяти, пусть и тайный от других. И мы помним свою немощность, неуверенность, незнание. Нам и теперь кажется, что за нами нет права мыслить, и мыслить по-особому, что все вокруг знают и понимают больше нас, потому пусть они и говорят; наши же высказывания и признания, скорее всего, ошибочны. Потому-то все самое потаенное так страшно обнародовать. Вдруг да ты, в сравнении с другими, и впрямь дурак? Но никакие другие документы, даже романы, не способны высветить истинные размеры и свойства человеческой души - только дневниковые записи проливают свет на путь восхождения (или - нисхождения?) духа. И, я думаю, те, кто интуитивно чувствует свою «голость» как короли, никогда не дадут к публикации свои записные книжки, если они вообще их ведут, забыв, что могут быть разоблаченными после смерти. Чудаки! Ни - что не дает читающему столько силы и уважения к автору, как письменные свидетельства его человеческой слабости, пережитой, преодоленной, претворенной в искусство!

2.3.99.

Поняла вдруг, что у пишущего, подобно музыканту, может быть или не быть слух, или может быть не поставленный голос. У гениев слух абсолютный, тут все ясно. Там же, где чужок слышит "внутри", а раскрыться стесняется, его надо раскрепощать, обучать мастерству, объяснять инструментарий владения голосом (письмом).

Тяжелее, когда человек фальшивит и внутри. Тогда он выдает в печать (в журналистике) корежащие душу "песнопения", и от них "вянут уши" у читателя. Есть люди со слухом, но - без нравственного чутья. Те портят все пошлостью и продажностью. Однако не исключено, что жизнь подведет их к пересмотру ценностей, тогда и письмо их изменится. Ну, и т.д.

22.4.99.

Весна, жара за двадцать. Все ожило, и душа - тоже. Состояние, как у Абрамова, когда он взывал в дневнике: "Чистая книга! Ради нее прошу жизни!" А зимой у меня была страшнейшая депрессия. Значит, дело не в личности, а в космических ритмах, которые одинаково действуют на всех, и не только на пишущих. Проверить бы у других авторов по дневникам!

16.5.99

В нашем обществе не хватает ОБЩЕСТВЕННОЙ философии отношения к жизни, мы живем, не осознавая себя частью вселенского потока, в котором все имеет свой возраст, период, цикл и т.п. Например, сколько лет нашему государству, если проводить аналогии с человеческим возрастом? Что можно ожидать от такого юноши (мужа, старика - возьми нужное), что ему на пользу и что противопоказано? Нужен ему опыт соседа или все-таки каждый доходит до всего своим умом? И так далее... Наверное, мы еще очень юны, ибо не можем без потрясений и крайностей, которые зрелым людям (формациям) уже не присущи.

22.5.99.

Про друзей молодости. Есть что-то космичное в общении с ними к 50 годам. Мы ж дети еще, какие 50?! И в то же время - все, когда-то отправленные в жизнь, как на задание, теперь возвращаются с него. С каким результатом? И другой попытки не будет... Или - будет? Шли в первый класс - вернулись как из десятого, и время

между этими двумя мигами пролетело, провалилось, точно и не существовало, и нам явлен лишь итог. А какие были планы, надежды.

Про себя понимается, будто я слетала за это время на другую планету и вернулась на Землю почти прежней, а на ней пролетели многие годы, и передо мной предстали вместо оставленных младенцев - старцы... А у них, ровесников, школьных друзей, наверное, такое же впечатление от встречи со мной! И каждый в себе перемены почти не ощущает.

23.5.99.

Вдруг жизнь представилась, как полотно, которое не имеет права, да и не может быть продырявленным. Вот и придумано Великим Умельцем так, что там, где ниточка вдруг рвется (старость, болезнь, несчастный случай), там ее конец обязательно связывается с началом другой нити. И так - везде, в неуловимом порядке-беспорядке.

И от этих повсюду завязанных узелков ткань еще, быть может, прочнее, чем могла бы быть при вечности нитей.

3.7.99.

Как разительно варьируются главные вопросы жизни в зависимости от возраста: накормят или нет? сказать или утаить? - в детстве; любит- не любит? сложится - не сложится? - в юности; изменяет - нет? прокормимся ли? - в зрелости. И вот теперь все ближе глобальный вопрос- об активности позиции. Что более присуще моему возрасту - действие либо уход от него, тот образ жизни, который поневоле присущ мне в последнее время - тишина, запахи сена, лес со всеми его прелестями, горстка дорогих людей и животных, и - никаких позывных из большого мира. Он прекрасно обходится без меня. так стоит ли ему навязываться? Ушло мое время? Или, может, еще не настало?

Печально ли, что ничего не меняется, хоть есть и литература, и искусство? Почему они не помогают человеку стать лучше? Этот вечный вопрос вопросов.

Да ерунда это все. Человечество (абстрактное понятие) и не может измениться, ибо состоит из отдельных личностей, живущих в разное время. И каждая приходит в земной мир, чтобы совершенствоваться на уровне духа, то есть на пути каждого человека заведомо бу-

дут грехопадения, и это никак не связано с общей лестницей восхождения. Она для каждого своя.

29.7.99.

Пропалываю картошку. И снова прошлогодние мысли, словно набат: как важно вовремя выдернуть сорняки, пока они не заглушили все живое и здоровое. Особенно в обществе... А еще удивлялась я прежде - почему сельские люди и без образования так мудры? Да потому, что всем проявлениям общественной и прочей жизни есть яркие аналогии в природе, нужно лишь мозгами изредка шевелить. А что тебе подскажет мертвый хаотичный город?

31.7.99.

Была бы художником - написала бы картину под названием "Завтрашний лес". На первом плане должна быть крупно-крупно трава, цветы, букарахи, такие, как мы их видим, лежа на земле; а среди этих нежных зарослей - елочка или сосенка, перволюток-малыш, ростом меньше травы. Но мы то знаем, какая она будет!.. И на нее смотрит восхищенно - только глаза и бантики видны - девчушка лет пяти, касается рукой мягких колючек... Почему мне не дано держать кисть? Или

литература может сказать не меньше? Лишь протяженность во времени мешает ей владеть умами, а на полотне - раз, и человек весь в твоей власти. Чудо.

31.7.99.

Господи! Только творчество меня и может спасти - не земля и труды на ней, не любовь даже, а журналистика, переходящая в литературу. Стоит вспомнить о каком-то замысле, как на глаза наворачиваются слезы счастья. И как же я могла так заплутать, так перепутать цели моего переселения в деревню?!

4.11.99.

Подумала, как я буду писать, что я думала, глядя на тех-то и тех-то своих героев; и вдруг споткнулась по старинке: а кому интересно, как я думала? кто я такая? Вот они...

Да кто - они? Эти наши вечные, от комплексов, экивоки на знаменитостей, которых мы сами и делаем такими, а если вдруг приостанавливаемся, то потому, что на небе уже тесно от звезд. Нет, если в нас с детства не будут ценить личность, не будут ее возвращать, мы никогда (и общество тоже) не станем взрослыми, всегда будем оглядываться в

поисках подсказки и дрожать, склоняясь перед авторитетами. Значит, никогда не скажем СВОЕГО слова. Никто не должен быть для нас примером и кумиром. Только Господь. Глядя на Него, мы идем не вразнобой, а в одну сторону. И тогда мы действительно равны, - и Ему, и друг другу.

9.11.99.

В деревне (и в этом ее сила) даже зимой очень трудно потерять смысл жизни. Там тебя "за уши" вытащат каждодневные заботы о дровах, воде, о скотине, которая по весне непременно порадует тебя потомством; и только мертвая душа не воспрянет, глядя на всех этих котят-щенят-козлят-поросят... А в городе ты с утра до вечера принадлежишь только сам себе, и если нет у тебя еще уверенности в правильном направлении, в "исповедимости" своего пути, то даже на физическом уровне не за что тебе ухватиться, как за соломинку - городские кошки-собаки, заключенные в пожизненные квартиры-тюрьмы, лишь усугубят печальные выводы о жизни...

10.11.99.

Все четче понимаю: жизнь наша дается нам вся, целиком, с первых

дней, во всеми ее прелестями и уще-
 льями. Но зрение наше (души нашей)
 еще не совершенно, потому мы видим
 поначалу лишь четкие контуры очер-
 тания сущего. И только по мере утон-
 чения наших чувств мы научаемся
 различать нюансы, улавливать не да-
 ваемое нам в ощущениях, видеть по-
 лутона, штрихи, детали. Так, в дет-
 стве почка на дереве, вдруг набух-
 шая по осени, для нас ничто, про-
 сто факт. Но к старости, отталкива-
 ясь от него, мы можем выстроить
 целый философский трактат о том,
 как опасно обманчивое чувство вес-
 ны, как хватает у дерева силы дваж-
 ды зацвести, если потребуется, как
 похоже возрождение природы на рож-
 дение человеческой души, сколько
 невиданного по совершенству может
 развиваться со временем там, где была
 спящая завязь и т.д.

11.11.99

По телевидению какой-то по-
 здний фильм. Надо бы посмотреть...
 А зачем? Что мне это даст? Если бы
 знать, что там, в нем, кроется исти-
 на... Но любое создание - производ-
 ное отдельной личности с отпечат-
 ком на нем всех сегодняшних заблуж-
 дений и недодумок. Вот почему бес-
 ценны священные писания: в них

опыт не отдельный, а всеобщий, выверенный веками. Творит, созидает лишь тот, кто еще пытается разобраться в жизни. кто мучим ее загадками и мнимыми противоречиями. И не исключено, что создание может быть тем ярче, чем глубже, опаснее заблуждения автора. Тот же, кто все понял (ну, почти все) в этой жизни, уже не нуждается в акте творения, то бишь - постижения истины. А отсюда простой вывод: зачем печалиться, если не пишется?

Значит, в душе на сей миг гармония, близкая к вечной, в которой уже нет места ни страстям, ни политике, ни сведениям о чужих судьбах; может быть, и потребны только - огород, лес, природа, сливаясь с которой в молчаливом диалоге можно незаметно, осенне перейти в небытие... Я обожаю время хризантем! Я обожаю.

29.11.99.

Чем отличается писатель от графомана? Последний тклет бесконечный яркий свой половик, не заботясь о его форме и окончании, ему важен сам процесс работы. А писатель делает-создает ковер, цельную композицию, увиденную однажды внутренним взором, и края у него гармоничны с

центром, и узоры перекликаются-переговариваются на всей площади, и цвет нитей в каждом уголке продуман до мелочей и поет свою мелодию. Когда есть изначальная целостность, фальшь заведомо исключается либо убирается оттачиванием мастерства. А еще графоманы то и дело "пускают петуха", как в непрофессиональном пении.

Подобные аналогии можно провести и с живописью, и в кино - крупный план в них - то же, что эпитет на бумаге, и т.п. Интересно, есть ли у кого-то специальное сравнительное исследование на эту тему? Мне кажется, выведение общих законов искусства очень могло бы помочь в обучении молодых и талантливых.

8.12.99.

Любопытно, насколько высока греховность у писателя (заполненность "сосуда кармы", по Свияшу)? Ведь он постоянно находится не "теперь" и не "здесь", как, кстати, и актер, профессия, изначально не признаваемая ортодоксами. Или все-таки работа есть работа, и главное - не заикливаться, возвращаться в себя и - не сожалеть о прошлом и не тосковать о будущем, а творить сегодняшний день, свою отдельную судьбу?

Можно изложить свою мысль кратко и железобетонно, как и поступают газеты. А можно - очаровательно, длинно и симфонически, чтобы за деталями была просвечивала вечность, - как стремлюсь я в очерке. Однако не всегда и я пребываю в таком состоянии, чтобы увязать концы земные с небесными. Значит, надо дожидаться мига, когда станешь способным взлетать душою и оглядеть жизнь с верхней точки... Мне кажется, если бы многие газетчики так "вознеслись", и через это все читатели, вся наша жизнь непременно скорее бы изменилась.

11.2.00

Писать надо чувством, никак не мыслью, а тем более не мыслью о том, как это будет понято или не окажется ли неумным твое сочинение. Чувство всегда ТВОЕ, оно не может быть заемным, а потому и ложным, неоправданным. Мысль же - чужая, и уведет она тебя чужим путем, а это всегда повтор, застой.

Большинство людей боится, стесняется своих чувств, полагая, что они слишком низки и потому недостойны внимания. И оказывается, что все прячут их от людей! Когда же ты вскры-

ваешь этот СВОЙ тайный пласт, то
прямиком попадаешь в душу каж-
дому, ибо, при всей разнице деталей,
основа чувств у всех одна и потому
узнаваема.

23.2.00

Молодость хороша тем, что мож-
но пойти с любимым и в любую сторо-
ну, в зрелости - лишь с некоторыми
и не на все четыре, а в старости -
только в одном направлении и толь-
ко с тем, с кем тебе по пути.

Как все просто: зло - несовершен-
ство, это недоразвитое добро, которое
не знает своих путей и возможнос-
тей. Что ж мы все боремся с ним, со
злом, а не помогаем ему дожить-дораз-
виться до ума? В мире - порядок, всю-
ду - порядок, хаос в душе нашей, толь-
ко в душе!..

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. Москва.....	4
Часть 2. Вологда.....	10
Часть 3. Деревня Починок.....	39